

КОРОЛЕВА
мистического
РОМАНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Утопленница, или Третий ключ
Дом у Чертова озера
Вечность, или Пепел феникса
Невеста, или Волчья кровь
Ночь, или Слеза ангела
Гостя, или Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Паломница, или Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний

ЦИКЛ «ТАЙНЫ СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью
Приди в мои сны
Сердце зверя
Проклятое наследство
Змеевы дочери

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

Вол
чья
кровь

роман

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Ранее роман выходил под названием
«Невеста, или Волчья кровь»

Корсакова, Татьяна.
К69 Волчья кровь : роман / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

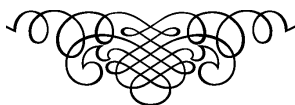
ISBN 978-5-04-183466-1

Их венчали волчьим кольцом. Да только бедой обернулось это венчание: разве гоже благородному господарю иметь жену кочевую цыганку. Вот и залила стены замка алая кровь, вот и обрушилось на него проклятье, а в окрестностях появилась призрачная волчица со своей безжалостной стаей. Прошли века, и в замке готовится новая свадьба, но будет ли она счастливее прежней?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-183466-1

© Корсакова Т., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Полная луна, похожая на затаянный бельмом глаз, хитро щурясь, крадется по ночному небу полуслепым свидетелем.

Конь под Вацлавом всхрапывает, взвизгивает на дыбы, испуганно гарцует на узкой горной дороге. Впереди брешут собаки, радостно, нетерпеливо. Значит, загнали добычу, ждут хозяина.

— Вперед! — Плеть со свистом опускается на взмыленный бок жеребца, стремяна утифуются в крутые бока. — Вперед, я сказал!

От бешеной скачки звон в ушах, и ветер цепляется за волосы, силится догнать вороного. Пустое! Другого такого скакуна во всех Карнатах не сыскать, за него столько золота уплачено, что до сих пор от мысли этой дух занимается. Самый лучший конь, самый неприступный замок, самая красивая женщина. Была, пока не надоела...

А гончие заходятся лаем все ближе, скоро, видать, конец охоте. Эй, прибавь-ка, вороной!

Женщина жметя к скале, мечется серой тенью посреди собачьей своры. Красивая, да-

же сейчас, в порванном платье, простоволосая, со сбитыми в кровь босыми ногами, красивая... Заметила его, бросилась под копыта вороному, сцепилась в стремя.

— Вацлав, отпусти! — Голос хриплый, сорванный от крика, а глаза — синими звездами. Вот за эти глаза он ее когда-то и полюбил, не смог пройти мимо. Да только не любовь то была! Колдовство и морок! Он — граф Закревский, единовластный господарь здешних мест, а она кто? Безродная цыганка, волчья кровь...

— Уходи! — Плеть взмывает в воздух, и вороной привычно вздрагивает. Цыганка тоже вздрагивает, закрывает лицо руками, захлебываясь криком от боли. — Уходи! Беги! Коли убежишь — живи!

Куда бежать? Позади скала, впереди он и гончие. А коли и прорвется, так его люди не выпустят, потому как у них наказ, послушаться которого никто не посмеет.

— Тогда сразу убей, не мучай! — В синих ведьмовских глазах мольба, слезы, точно самоцветы, так и хочется коснуться рукой мокрой нежной щеки. Наваждение, опять наваждение...

— Умри!

Свора повинуется приказу, срывается с места. Женский крик тонет в алчном зверином вое. Пусть она умрет, пусть освободит его душу из черного плена...

Вороной хрипит и мотает башкой, норовя

сбросить. Плетью по крутому боку не глядя, не задумываясь, привычно отмеряя удар. Вот так, присмирел. А когда-то тоже был норовистый.

Цыганка больше не кричит. В темноте ни зги не видать. А слепая луна все ниже, тоже всматривается, запоминает. Пусть глядит, больше никто не увидит. И не узнает. Кто мог рассказать, того уже среди живых нет. Или не станет скоро. Даже тех, кто в этой ночной охоте чужую кровь проливал. Богдан свое дело знает: тому — стрела в спину, этому — ножом по горлу, а кому, уже в замке, яду в молодое вино. И с Богданом потом нужно будет что-то решать. Это сейчас он, сводный брат, наипервейший его товарищ, а случись что — продаст, не пожалеет...

Собаки отползают от добычи с неохотой, припадают на передние лапы, скалят зубы, но повинуются. Потому что боятся. Его все боятся, на то он и Вацлав Лютый. А цыганка еще жива: хрипит порванным горлом, скребет ногтями сырую землю, смотрит глазами своими синими, силится что-то сказать. Интересно — что? Отец-покойник говорил, что предсмертные слова самые верные, не притворные. Оттого, видать, и не пустовали темницы в замке, а у палача не переводилась работа. Очень хотелось отцу знать последние, самые верные слова.

У цыганки лицо в крови, а поди ж ты, все

равно взгляд не отвести от красоты ее сатанинской.

— Ну, что ты мне скажешь? — Встать на колени, чтобы лучшие слышать, поймать последний вздох, коснуться разбитых губ.

Сказала... такое, что мороз по коже. И не верит он в эти сказки цыганские, а тревожно вдруг стало, холодом потянуло, точно из склепа.

— Зря ты так. Ох, зря! Могла бы легкой смертью умереть, а теперь уж что? Теперь не обессудь...

Рукоять меча привычно ложится в ладонь. Нет, не станет он ее убивать, не дожидается она от него такой милости. Он сейчас свое заберет, то, что в угаре любовном цыганке подарил...

Крик захлебывается, едва родившись, переходит в нечеловеческий какой-то клекот. Вот и все. Теперь можно уходить, только родовый перстень от черной крови оттереть да спрятать понадежнее, за пазухой.

Вороной испуганно всхрапывает, косит блестящим глазом, силится взвиться на дыбы. И псы попритихли, хвосты поджали. Что это? Знамо дело, что — ночь началась, волчья пора. Теперь до самого рассвета в горах иные хозяева. Вон уже и вой слышен совсем близко. Прощальный взгляд на ту, которая до сих пор кровь бередит, и — ветром в седло. Волки свое дело знают...

Луна катится по черному небу, задевает

деревья щербатым боком. Луна все видела, да никому не скажет. А ему пора, столько дел впереди, к свадьбе нужно готовиться...

* * *

Погода выдалась мерзостной, от мелкого, точно пыль, дождя зонт совершенно не спасал. Только мешал, черт возьми!

Владислав Дмитриевич Закревский в раздражении посмотрел на своего телохранителя, который, пытаясь подстроиться под неспешный шаг хозяина, семенил рядом, придерживая над головой босса зонт.

— Гера, да убери ты это!

— Как скажете. — Зонт исчез, явив взгляду затаенное тучами небо. На лице телохранителя не дрогнул ни один мускул — привык, видать, парень за годы службы к хозяйским причудам.

Да не так их и много было! Эта первая за бог весть какой срок. Подумаешь, захотелось боссу прогуляться под дождем по свалке. Он ведь не один, а в сопровождении самых надежных своих ребят из службы безопасности. И Гера тебе не банальный носильщик зонтов, а спец, каких еще поискать.

На ботинки, утром начищенные до зеркального блеска, налипли комья грязи. Владислав Дмитриевич брезгливо поморщился, поднял ворот плаща, осмотрелся.

— Ну, где они? — спросил идущего по правую руку секретаря Вениамина.

— Скоро уже, босс. — Секретарь, с виду со-

вершенно неприметный, какой-то куцый и, несмотря на дорогой костюм, непрезентабельный, но в особенно деликатных делах незаменимый, смахнул со лба редкую челку. — Вон за тот холмик зайдем, и будут.

«Холмик» представлял собой здоровенную смердящую кучу мусора. Владислав Дмитриевич тяжело вздохнул и, наплевав на рекомендации врачей, закурил. Дышать легче не стало, но на душе посветлело. А может, плюнуть на все эти запреты?! Что ж теперь, не жить, а мучиться?!

Задумавшись, Владислав Дмитриевич не заметил, как наступил на что-то скользкое, не поддающееся классификации. И ведь упал бы, если б не Гера. С привычной невозмутимостью телохранитель подхватил его под локоть и буркнул:

— Под ноги лучше смотрите, хозяин.

Подобную фамильярность Закревский позволял не многим, только самым близким, в том числе Гере, потому что тот уже не единожды доказал собачью свою преданность и желание служить верой и правдой.

— Куда тут смотреть? — беззлобно проворчал Владислав Дмитриевич. — Кругом же дерьмо! И чем дальше, тем гуще!

— Так они ж не селятся на окраине, — поспешил оправдаться Вениамин. — У них здесь свое собственное царство — помоечное. Сюда чуваки и не суются никогда, потому что опасно.

— Не рассказывай мне про это, — отмахнулся Закревский. — Ты свою работу сделал, с Ко-